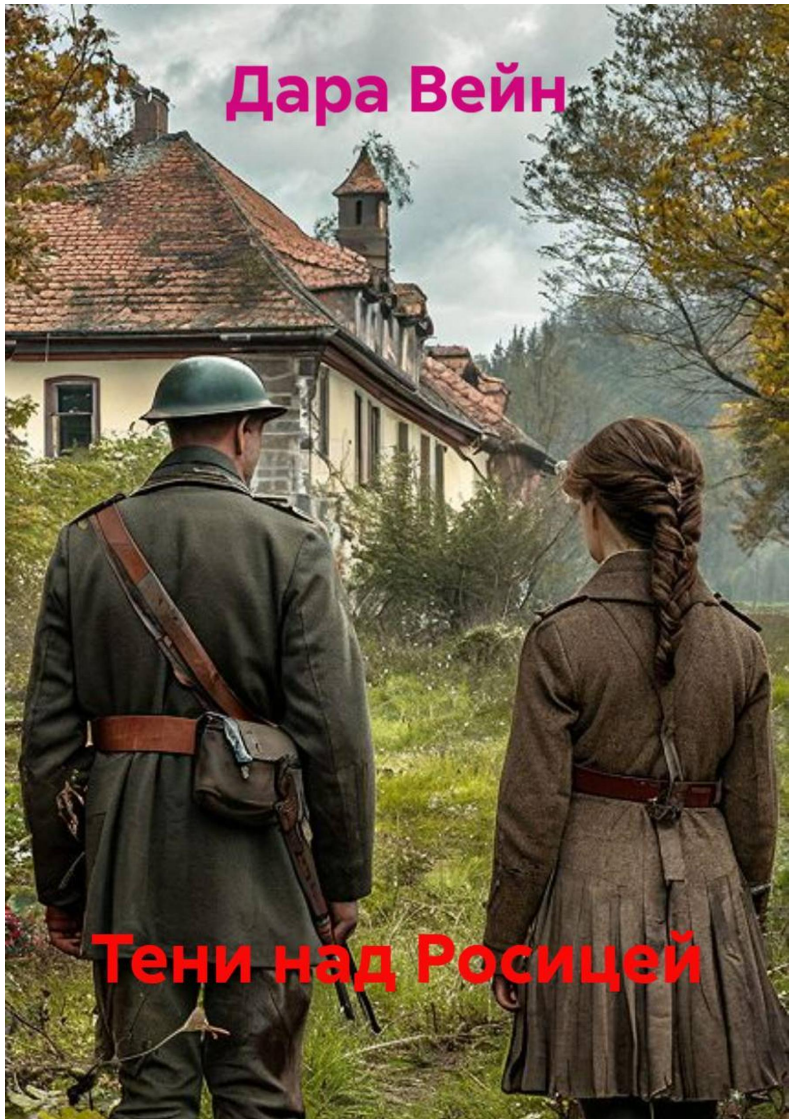

Дара Вейн

Тени над Росицей

Дара Вейн

Тени над Росицей

<https://litres.ru/74202392>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тихой деревне Росица во время войны пересекаются пути немецкого офицера Генриха и местной девушки Варвары — и между ними рождается хрупкое понимание, не похожее на романтическую легенду, но ставшее для обоих опорой в бесчеловечное время. Спустя десятилетия внука Варвары, Лиза, находит старые письма и дневник свидетеля тех событий — фельдфебеля Курта Вагнера — и по ниточкам правды восстанавливает историю о том, как один человек в решающий момент выбрал не стрелять, а спасать. Поиски приводят Лизу и Варвару в Германию, где они встречаются с потомками Курта и вместе сажают дуб — в память о тех, кто сумел остаться человеком, когда это было труднее всего. Это история о памяти без пафоса, о вине и понимании, о том, что подлинный подвиг порой звучит тише любых наград.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Ссылка	5
Глава 2. Отражение боли	7
Глава 3. Тени прошлого	9
Глава 4. Правда и ложь	10
Глава 5. Разлом	12
Глава 6. Запретные письма	14
Глава 7. Язык, которого не существует	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дара Вейн

Тени над Росицей

*«У любви не бывает нейтральных
времен: она всегда рождается не
вовремя и на чужой стороне».*

Дара Вейн

Пролог

Генрих фон Райхенбах привык, что приказы не обсуждаются, а сомнения считаются слабостью. До того дня, когда операция, которой он руководил, провалилась, унеся жизни его солдат и подорвав доверие командования. В Берлине сочли, что ему нужно «остыть и подумать», и отправили в глухую деревню Росица — формально для надзора за тыловыми поставками, по сути — в почётную ссылку. Он ехал туда с тяжёлым сердцем, зная, что этот перевод — чёрная метка на карьере. Но он не знал, что именно в Росице его ждёт испытание, перед которым меркнет любой военный провал.

Глава 1. Ссылка

Поезд остановился на полустанке, где даже перрон казался временным. Оттуда до Росицы вела просёлочная дорога, размытая дождями. Генрих шёл пешком, чувствуя, как сапоги наливаются грязью, а вместе с ней — и тяжестью собственных мыслей.

Деревня встретила его тишиной, нарушаемой только криком петуха и скрипом колодца. Дома стояли плотно, будто держались друг за друга, чтобы не упасть от ветра. И среди этой тишины он впервые увидел её.

Варвара несла ведро с водой, легко удерживая коромысло на плечах. Её движения были плавными, почти невесомыми, а косы, туго заплетённые, отливали медью в лучах низкого солнца. Генрих замер, не в силах отвести взгляд.

В ней было что-то до боли знакомое. Не просто похожая внешность — в повороте головы, в том, как она на мгновение прикрыла глаза от ветра, угадывалась его покойная жена Анна. Та самая Анна, что погибла вместе с детьми при крушении самолёта, когда он был на фронте и не смог быть рядом.

Генрих сжал кулаки, чувствуя, как по спине пробегает холод. Это было не просто сходство — это был удар в самое уязвимое место. Он хотел было отвернуться, уйти, спрятаться от этого наваждения, но Варвара подняла глаза и встре-

тилась с ним взглядом. В её глазах не было страха — только спокойное любопытство, словно она видела не офицера в немецкой форме, а просто усталого человека.

Глава 2. Отражение боли

Постепенно Генрих начал замечать, что деревня живёт своей жизнью, почти не замечая его присутствия. Местные держались настороженно, но не враждебно — скорее, как люди, привыкшие к тому, что чужаки приходят и уходят, а беды остаются.

А Варвара... она была везде. То у колодца, то на краю поля, то в церкви, куда он заходил, сам не зная зачем, просто чтобы посидеть в тишине. Однажды он увидел её у реки: она стирала бельё, напевая что-то себе под нос, и её голос, тихий и чистый, пробивался сквозь шум воды.

Генрих остановился на берегу, не решаясь подойти, и вдруг услышал свой собственный голос:

— Простите... я не хотел мешать.

Варвара подняла голову, на мгновение замерла, но потом лишь кивнула: — Ничего. Здесь всем хватает места.

Он хотел сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Вместо этого он молча подошёл и поднял тяжёлое мокрое полотно, которое она не могла удержать одной рукой. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и он отёрнул руку, будто обжёгшись.

— Спасибо, — тихо сказала она, не глядя на него. — Но лучше не помогайте. Люди и так шепчутся.

И она ушла, оставив его одного с ощущением, что он только что сделал что-то непоправимое.

Глава 3. Тени прошлого

Ночью Генриху снилась Анна. Они стояли на перроне, и поезд увозил её всё дальше, а он кричал, но голос не долетал. А потом вместо Анны на перроне появлялась Варвара, и она смотрела на него так же спокойно, как днём у реки.

Проснувшись в холодном поту, он долго сидел у окна, глядя на тёмные силуэты домов. Он понимал, что его тянет к Варваре не потому, что она — новая надежда, а потому, что она — живое напоминание о том, что он потерял. И это делало его влечение не романтичным, а почти греховным.

Однажды утром он нашёл на пороге своего дома пучок полевых цветов. Никаких записок, никаких знаков. Только цветы, аккуратно перевязанные бечёвкой. Он знал, что это от неё. И знал, что должен вернуть их, сказать, что между ними не может быть ничего.

Но вместо этого он поставил их в старую жестяную кружку и смотрел на них весь день, чувствуя, как внутри что-то медленно ломается.

Глава 4. Правда и ложь

Слухи в деревне распространялись быстро. К вечеру того дня, когда он помог Варваре у реки, к нему пришёл староста — суровый молчаливый мужчина с лицом, изрезанным морщинами.

— Вы офицер, — сказал он без предисловий. — И вы здесь не гость. Вы здесь власть. Но Варвара — дочь моей сестры. И если вы думаете, что можете приходить и уходить, когда вздумается, то ошибаетесь.

Генрих слушал, не перебивая. Он понимал: староста прав. Он — чужак, представитель армии, которая принесла в эти места горе. И его чувства к Варваре — это не история любви, а история вины, которая ищет себе оправдание.

— Я не причиню ей вреда, — наконец произнёс он. — Клянусь.

Староста посмотрел на него долгим взглядом, будто пытаясь прочитать его мысли, и кивнул: — Хорошо. Но помните: здесь не Берлин. Здесь слова ничего не стоят. Важны поступки.

Когда он вернулся в свой дом, на пороге снова лежали цветы. На этот раз к ним была приколотая короткая записка: *«Иногда слова и правда ничего не стоят. Но цветы — это просто цветы»*.

Генрих сел на крыльцо и долго смотрел на эту записку,

чувствуя, как в груди сжимается что-то, чего он не чувствовал уже много лет.

Глава 5. Разлом

Зима пришла рано. Река покрылась тонким льдом, а деревня укуталась в снежные шапки. Генрих почти не выходил из дома, стараясь не попадаться на глаза жителям. Но однажды вечером он услышал крик.

Выбежав на улицу, он увидел, как несколько солдат из соседнего гарнизона окружили Варвару у колодца. Она стояла, сжав кулаки, и что-то кричала им, но её слова тонули в хохоте.

Не раздумывая, Генрих шагнул вперёд.

— Отставить! — его голос прозвучал резко и властно, как в лучшие дни службы. — Вы забываетесь.

Солдаты замерли, узнав его форму и погоны. Один из них попытался возразить, но Генрих посмотрел на него так, что слова застряли у того в горле.

— Марш в казарму. Сейчас же.

Они ушли, бросая на него злые взгляды, но ушли. А он остался стоять рядом с Варварой, которая дрожала не столько от холода, сколько от пережитого страха.

— Спасибо, — прошептала она, глядя куда-то в сторону. — Но теперь они не забудут.

Он хотел сказать, что защитит её, но вовремя остановился. Что значили его обещания? Он был частью той силы, которая сделала её жизнь невыносимой.

Вместо этого он просто снял свою шинель и накинул ей на плечи. — Идите домой. Я провожу.

Она не сопротивлялась. И всю дорогу до её дома они шли молча, слушая, как хрустит снег под сапогами.

У двери она остановилась и впервые посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы не такой, как они, — сказала она тихо. — Но вы всё равно один из них. И этого не изменить.

Слова ударили его сильнее, чем любая пуля. Он кивнул, не в силах ничего ответить, и вернулся в темноту улицы, чувствуя, как холод пробирается под кожу.

Глава 6. Запретные письма

После случая у колодца между Генрихом и Варварой установилась хрупкая, почти невидимая связь. Она больше не смотрела на него с открытой настороженностью, но и не подпускала ближе. Он же старался держаться в стороне, но взгляд всё равно искал её у реки, у колодца, на краю поля.

Однажды, возвращаясь с обхода, он нашёл у порога своего дома свёрнутый в тугой рулон листок. Обычный, из школьной тетради, исписанный аккуратным, чуть наклонённым почерком.

«Вы спасли меня от беды, и я благодарна. Но не думайте, что это что-то меняет. Вы — здесь по приказу. А я — здесь по праву рождения. И между нами не просто деревня, между нами — всё, что сейчас горит и рушится. Но если хотите, я могу сказать вам одно: спасибо. Этого достаточно».

Генрих долго держал записку в руках, пока бумага не стала тёплой от его пальцев. Он хотел написать ответ, но не знал, какие слова уместны там, где любое слово звучит как оправдание. В итоге он взял чистый лист и вывел только три слова: «Этого достаточно. Спасибо». И положил на то же место, где нашёл записку.

На следующее утро записки не было. А на её месте лежал маленький букетик сухих полевых цветов — тех, что цветут даже на обочинах дорог, даже там, где земля выжжена.

Глава 7. Язык, которого не существует

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.